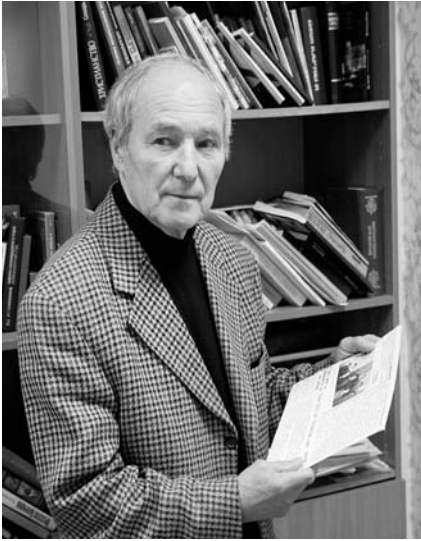

КТО РАССТРЕЛИВАЛ НЕСЧАСТНЫХ

типографией... А через две недели, 24 ноября, его арестовали. Это было ночью, в квартире, где мы жили — улица Ленина, дом 14 (сейчас этот дом числится под номером 10), квартира 11. Это была редакторская квартира. Потом ее у нас забрали.

Дело по обвинению Милковского Ивана Антоновича (хранится в Орловском архиве) составило

Он появился в редакции рано утром: интеллигентного вида мужчина с седыми висками. «Милковский Сергей Иванович, — представился он. — Здесь работал мой отец. — И взглянул на галерею портретов редакторов «Орловской правды», развешенную на стене прямо напротив входа. — Милковский Иван Антонович, работал здесь в должности редактора с марта 1936-го по сентябрь 1937-го. Расстрелян...»

В эту первую нашу встречу мы проговорили два часа. Сергей Иванович, хоть и только что с поезда (он живет в Москве), без устали рассказывал об отце, о своей семье. Было видно, что события более чем семидесятилетней давности не стали для него историей, что, потеряв ребенком отца, он всю жизнь стремился узнать о нем как можно больше, приблизиться к нему... И этот визит в нашу редакцию — еще одна встреча с отцом.

— 7 ноября 1937 года была годовщина Октябрьской революции, Орел был весь иллюминирован. Мы вышли с отцом на Ленинскую, все вокруг было залито светом. Было шумно и весело. Отец взял нас с собой на руки... Это единственное, что я запомнил о нем. Мне было два с половиной года. Мы стояли тут как раз неподалеку, рядом с

целый том. За что арестовали редактора областной газеты? Поводом для пристального внимания к его фигуре стал тот факт, что в редакции работали «враждебные элементы»: так, работавшая корректором некая Хитрово оказалась племянницей маршала Тухачевского, как известно, объявленного врагом народа; фотограф (фамилия нам неизвестна) в свое время служил в Белой гвардии... Накануне ареста в редакции состоялось партийное собрание, на котором секретарь горкома партии Дудецкая обвинила редактора в том, что он «не вычистил аппарат редакции». На собрании выступали разные люди — большинство, конечно, осудило. Время такое было: люди, даже крупные политики, члены ЦК, наркомы, каялись печатно и прилюдно, поливали политической грязью бывших соратников... (Карл Радек сказал о том времени: «Какое-то страшное нравственное озверение в политической жизни — примета нашего времени.») Но были на том памятном собрании в «Орловской правде» и такие, что не побоялись поднять голос в защиту обреченного. Таким был заводчелом культуры Волгин. Его за проявленную солидарность потом тоже арестовали по 58-й статье.

Целый год Иван Антонович находился в следствен-

ном изоляторе на Красноармейской, в так называемом Орловском центре. Потом состоялся суд. 16 октября 1938 года на выездной сессии в Орле Военная коллегия Верховного суда СССР, так называемая «тройка», рассмотрела дело 37-летнего Ивана Милковского, бывшего врид редактора газеты «Орловская правда». Цитирую приговор: «Предварительным следствием установлено, что И.А. Милковский с 1937 года являлся активным участником антисоветской террористической диверсионно-вредительской, правотроцкистской организации, существовавшей в Орловской области, которая ставила задачу изменения существующего строя в СССР путем совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства. Милковский знал о террористической деятельности названной антисоветской организации и был солидарен с последней. По заданию вышеуказанной организации Милковский создал антисоветскую троцкистскую группу в редакции газеты «Орловская правда», совместно с которой занимался подрывной деятельностью. Признавая Милковского виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьей 58-8 и 58-11, коллегия приговорила Милковского И.А. к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор окончательный и подлежит немедленному исполнению».

В тот день, 16 октября 1938 года, в Орле в Медведемском лесу расстреляли 22 человека — это были коммунисты, партийно-хозяйственный актив города...

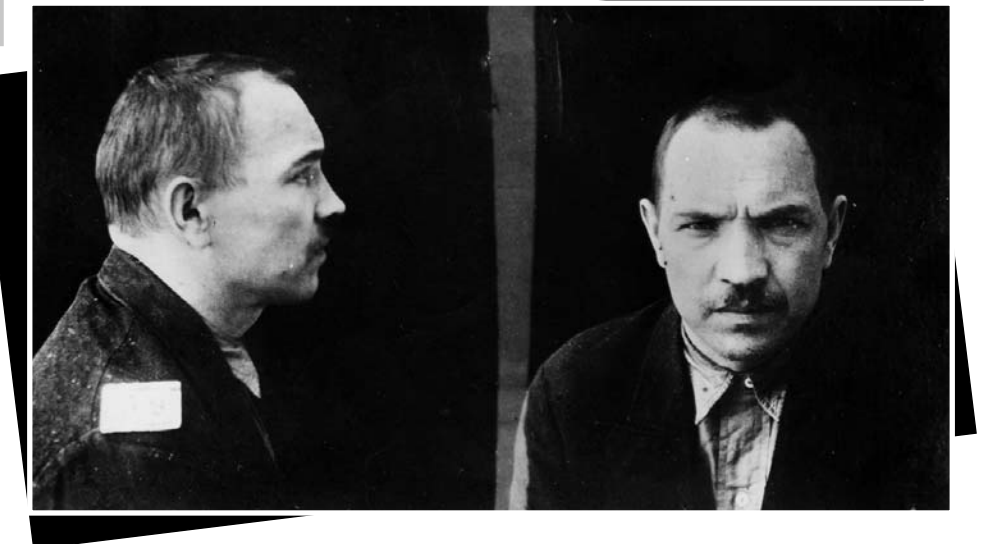
— У меня хранится копия еще одного документа — акта о приведении приговора в исполнение, — рассказывает Сергей Иванович. — Его подписал комендант УНКВД Орловской области Левинсон. Этот документ после реабилитации отца я

запросил в Москве, на Лубянке. Мне его выдали, вымарав фамилии остальных в списке расстрелянных. На просьбу сообщить о месте гибели ответили: «Не представляется возможным установить». Но сейчас уже «тройка», рассмотрела дело в Медведемском лесу, там установлен мемориальный знак...

Иван Милковский родился в 1901 году в Брест-Литовской губернии. Семья была бедная, отец работал сторожем на железнодорожной станции. В годы Первой мировой войны семья переехала в Гомель. Здесь Иван окончил школу для телеграфистов, затем записался в Красную армию. В 1925 году скоротечная чухотка вынудила его осесть на некоторое время в Крыму, там он работал в Ялтинском горкоме партии.

Сергей Иванович несколько лет назад предпринял путешествие по всем городам, где работал отец, не один месяц провел в архивах Государственной библиотеки имени Ленина за чтением районных газет, в которых некогда работал его отец. Несколько копий газетных листов он привез с собой. Надо сказать, это захватывающее чтение. И не только по причине профессионального интереса. С газетных страниц говорила жизнь. Это не было похоже на литературу — ни одно художественное произведение не в состоянии так точно передать дух того времени. Особенно интересны сообщения с мест сельских. Вот, к примеру, отрывок характерной заметки в газете «Кирсановская коммуна» (1931 год): «Сельхозартель им. Ленина

дрования райкома ВКП(б) к годовщине Аннинской районной газеты «Коллективный труд»: «Приветствуем газету «Коллективный труд» как проводника линии коммунистической партии... С поставленными партийными задачами в третьем решающем году пятилетки газета по-боевому и с честью справилась... Можно с уверенностью сказать, что газета и в дальнейшем сумеет с честью отразить на своих страницах все уголки неустанной классовой борьбы в проведении мероприятий партии». Вот так, руководитель газеты в течение ряда лет с честью проводил линию партии в ходе классовой борьбы, но это не помешало в одночасье расстрелять его за «вредительство и оппортунизм» — только потому, что

Подлечившегося Ивана направляют учиться в Москву, во Всесоюзный коммунистический институт журналистики (ВКИЖ), на газетное отделение, где готовили редакторов районных газет. В 1929 году он закончил учебу и с этого времени до его появления в «Орловской правде» успел «поредаторствовать» чуть не в десятке районов тогдашней Центрально-Черноземной области: Острогжск, Анна (нынешняя Воронежская область), Кирсанов (ныне Тамбовская область), Ливны (Орловская)...

к силосованию не приступала... Правление сельхозартели относится к этому делу спустя рукава... Софьинские оппортунисты гробят силосование. Ударить по этому оппортунизму, судить за срыв силосования».

Но в данном случае хотелось бы обратить внимание на другой момент: на то, с каким очевидным добросовестным рвением выполняли газеты, которыми в разное время руководил Милковский, свою идеологическую задачу. Это подтверждает и цитата из поз-

имел неосторожность принять в штат газеты бывшего белогвардейца. Хотя... Если уж за срыв силосования судили...

Приказ о немедленном исполнении приговора со списком подлежащих расстрелу был подписан начальником Орловского областного управления НКВД Пинхусом Шоломовичем Симановским — через два года, в 1940 году, его расстреляют за фальсификацию уголовных дел, в том числе и дела Милковского. Таких стрелочников убивали, так сказать, «по минова-

Передо мной три листа печатного текста — список фамилий жертв политических репрессий, ныне проживающих в Мценске. Около 70 имен, адресов, телефонов. Чья история будет интересна читателям? Набираю номер, другой, третий... И вот уже более полутора десятков человек находят благовидный предлог для вежливого отказа от общения на эту тему с прессой.

Пытаешься объяснить, что настоящая, правдивая история и складывается из таких вот частных рассказов о человеческих судьбах, но в трубке уже слышатся короткие гудки. Но вот повезло: И.И. Глушенкова согласилась встретиться и рассказать о своей жизни, хотя сразу заявила, что ее история будет «неинтересной»...

— Я родилась после войны в городе Щекино Тульской области в семье поволжских немцев, — делится воспоминаниями Ира Ивановна (ее необычное имя — производ-

ное от немецкого Ирма). — Сосланные немцы жили в бараках, обнесенных колючей проволокой. Из далекого детства навсегда врезались в память ежедневные визиты с

родителями в комендатуру, где надо было обязательно отмечаться. Помню слезы и боль обиды, когда мальчишки кричали мне вслед: «Фашистка!», а то и норовили запустить булыжником в спину.

Пожилая женщина смахивает набежавшую на глаза слезинку...

— А какая я фашистка? Да и как это было объяснить детям, когда я и сама тогда еще многого не понимала. Спасало одно, что тогда нас, немцев, в Щекино было немало. Вот и держались друг за друга.

Как же оказались под Тулой поволжские немцы? Глушенкова рассказала, что, когда началась война, немцев Поволжья (а их в то время в Саратовской области проживало более 400 тысяч человек) отправили кого в Сибирь, кого в Среднюю Азию — в самый глубокий тыл. Чтобы не стали «диверсантами» или «перебежчиками».

— Отца Ивана Кондратьевича Беккера отправили на лесозаготовки в Абакан, а

маму Марию Фридриховну — в Оренбург. Как жилось родителям в то время, знаю лишь по рассказам матери. А доля им выпала нелегкая. Мать работала на железнодорожной станции, разгружала вагоны.

Она рассказывала, что однажды на станцию пришел состав с металлическими трубами. Надо было развязать канат, стягивающий трубы, но никто не отважился сделать это. Полезна только мама... Из-под труб ее достали еле живую с раскроенной головой. Она не помнит, кто, как и где выхаживал ее. Знает только, что это были простые русские люди — врачи, медсестры, которые не хотели видеть в искалеченной и больной женщине врага народа.

С особой благодарностью вспоминала она и о русских девушках, работавших на станции, которые отнеслись к ней как к родной, делились последней крохой хлеба и другой нехитрой пищей военных лет. Только благодаря этому Мария осталась в

РУССКИЕ НЕМЦЫ

ПО ТЕМНИЦАМ?

нии надобности», якобы за превышение полномочий — системе периодически нужны были «козлы отпущения». На самом деле, план расстрелов и «посадки» спускался с самых высот и подлежал безусловному выполнению. Были контрольные цифры — расстрелять столько-то, осудить на сроки заключения не ниже 10 лет — столько-то. В приказе НКВД № 00447 от 30 июля 1937 года, давшем старт репрессиям 37—38-х годов, были указаны «контингенты», подлежащие репрессиям (бывшие кулаки, белогвардейцы, участники антисоветских формирований и т. д.), и лимиты на количество лиц, подлежащих репрессиям. В органах НКВД шло своеобразное соцсоревнование — кто больше выявит на своей территории «врагов народа». Так, изначально в масштабах страны планировалось посадить 269 тысяч человек и расстрелять 77 тысяч. Но «благодаря» старанию исполнителей в 1937—1938 годах было арестовано более 1 миллиона 300 тысяч человек и около 700 тысяч человек расстреляно.

—...Мама рассказывала, что в последнюю ночь, когда отца забирали, он боялся, что нас, детей, разбудят (нас было двое, мама была беременна, и когда папа находился в тюрьме, родилась девочка, Светлана, которую он так никогда и не увидел). В квартире был произведен обыск, искали запрещенную литературу. Из книг забрали... томик Есенина. Да, это странно слышать, но великий русский поэт тоже казался им опасен. Мы заканчивали школу и не знали, что был такой поэт в России. И только когда мама рассказала мне об этом эпизоде, я разыскал его произведения и на всю жизнь стал поклонником есенинской поэзии... Чего они боялись? Может быть, вот этой фразы, написанной еще в 20-е годы: «Не злодей я и не грабил лесом, не расстреливал несчастных по темницам...». Это

жуткая примета времени: ведь кто-то расстреливал... Сколько их было, несчастных, расстрелянных по темницам, а сколько сирот и вдов осталось после этих расстрелов...

На следующий день после ареста отца семью Милковских выселили из квартиры, жену бывшего редактора, Варвару Александровну, уволили с работы (она работала начальником планового отдела треста «Росглавлес»). Жить было не на что. «Мы выжидали», — скупно сказал об этом времени мой собеседник. Продавали вещи, на то и жили. Самым последним понесли на базар отцово пальто: Варвара Александровна долго не верила, что муж уже не вернется... Спасала семью бывшая домработница Татьяна Павловна Черныгина, она работала в пекарне.

— Низкий поклон этой женщине, — говорит Сергей Иванович, — вернее, ее памяти. Но сейчас в Орле живут ее дочь, Людмила Черныгина, и внучка. Отец, когда уводили его, сказал ей: «Не бросай моих!». И она не бросила. Водила нас в детский сад, потом в школу. Я помню, галош у нас не было, вот она, чтобы мы не промочили ноги, переносила нас через лужи... Точно не знаю, но, по-моему, именно она как-то спасла

нас и от дальнейших репрессий, ведь был приказ о репрессировании жен и детей врагов народа. Больше нас не тронули.

В 1953 году Сергей уехал в Москву, поступил в Московский институт инженеров транспорта, который закончил по специальности «Строительство зданий». И вот уже более полувека занимается проектным делом. До сих пор, несмотря на то, что ему уже 74 года, работает в проектном институте «Метротранс». Сергей Иванович — дважды лауреат Государственной премии — СССР и РСФСР, профессор Международной академии архитектуры. Его дочь Татьяна после окончания института иностранных языков им. Мориса Тореза работает за границей. Внучка Анастасия работает на Центральном телевидении.

...За полвека по его проектам построено множество гражданских и промышленных зданий (санаторный комплекс в Форосе, драматический театр в Курске...), но, признается, больше всего ему нравится проектировать храмы. Один из его храмов — во имя Преображения Господня в Люберцах — признают самым красивым храмом Подмосковья современной постройки.

Татьяна ПАВЛОВА.

Внук Сталина — 73-летний Евгений Джугашвили (сын погибшего в немецком плену Якова, в настоящее время проживает в Тбилиси) — подал иск на «Новую газету» за статью, в которой он нашел ущемление чести и достоинства своего деда. В своем иске он требует признать высказывание: «Сталин и чекисты повязаны большой кровью, тягчайшими преступлениями, прежде всего против собственного народа» — не соответствующим действительности и унижающим его честь и достоинство. Он также требовал обязать «Новую газету» написать опровержение и выплатить 10 миллионов рублей в качестве компенсации морального ущерба. 13 октября 2009 года суд отказал внуку Сталина в иске к «Новой газете». Часть собравшихся в зале суда приветствовала решение аплодисментами. Но были и такие, кто кричал: «Позор!»... Часть россиян сегодня с ностальгией вспоминает власть компартии. Но при этом почему-то забываются страшные страницы нашей истории. А как сказал американский философ XX века Джордж Сантаяна, «кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его снова».

живых. Потом хотела разыскать их. Но кого искать, если знала она только их имена?

Лишь в 1946 году Марии разрешили вернуться на родину, но на месте справочного дома, который они строили вместе с супругом, был пустырь, и никого из близких и знакомых. А в 1948-м пришла весточка от мужа. Оказывается, его, получившего тяжелую травму на лесоповале, перевели на шахты в Щекино, а затем он смог найти ее и позвать к себе. Через год у них родилась Ира, а с нею в бараке за колючей проволокой, стоявшем рядом с шахтой, появились смысл и радость жизни.

Когда в 1956 году немцев Поволжья реабилитировали, то молодая семья не поехала на родину, в саратовские края, а так и осталась жить и работать на тульской земле. И даже когда в конце 80-х годов прошлого века после открытия «железного занавеса» волна немцев хлынула на историческую родину, Бекеры остались в России — ведь именно эта страна была их Отчиной, здесь они родились и выросли, здесь родилась их дочь.

Ира вышла замуж за русского паренька. Виктор Глушков всем сердцем полюбил юную немку. Переехав в Мценск, они вме-

сте прожили счастливую жизнь, вырастили двоих детей, дождалась внуков. Супруг рано ушел из жизни: сказала работа на вредном производстве — более 25 лет отработал он в цехе чугунолитейного завода. Кстати, на этом же предприятии заправщицей каров работала и Ира Ивановна.

Мало кто знал о том, какая судьба выпала на долю ее родителей, мало кто знает, почему Ира не смотрит фильмы о войне...

— Наших родителей и всех детей репрессированных, рожденных до 1956 года, теперь приравняли к ветеранам труда, — замечает Ира Ивановна. — У нас те же льготы. Но дело не в материальном плане. Главное, что нам окончательно вернули нашу честь... Мои родители никогда не были сторонниками фашистской идеологии, и в годы войны, и после нее бок о бок с русскими и белорусами, казаками и украинцами, сотнями людей других национальностей самоотверженно трудились во имя блага России — ставшей родиной для их предков еще в далеком 18-м веке. А Родину не предадут.

Елена КУЛЬПИНА.
г. Мценск.

Период с конца 20-х — начала 30-х годов прошлого столетия вошел черной полосой в историю российского крестьянства.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: КУЛАК

Еще 8 ноября 1918 года на совещании делегатов комитетов бедноты В.И. Ленин заявил о решительной линии по ликвидации кулачества: «...Если кулак останется нетронутым, если мироедов мы не победим, то неминуемо будет опять царь и капиталист». Комитеты бедноты были созданы декретом от 11 июня 1918 года. Именно они сыграли большую роль в борьбе с кулачеством, руководили процессом перераспределения конфискованных земель на местах и распределением конфискованного инвентаря, продовольственных излишков, изъятых у кулаков.

В ходе принудительной коллективизации одним из направлений государственной политики стало подавление антисоветских выступлений крестьян и раскулачивание, предполагавшее насильственное и внесудебное лишение зажиточных крестьян всех средств производства, земли и гражданских прав и выселение в отдаленные районы страны. Ликвидация кулацких хозяйств имела целью обеспечение материальной базы коллективным хозяйствам. Норма раскулаченных в среднем равнялась 5—7% от числа крестьянских дворов, но местные власти старались ее перевыполнить. В отдельных районах число раскулаченных достигало 15—20%.

Кто же такой кулак в понимании советской власти? Долгое время не были сформулированы критерии, по которым можно было бы четко определить кулацкое хозяйство. 21 мая 1929 года принимается постановление Совета народных комиссаров СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться

В конце 20-х — начале 30-х годов XX века Орловский округ входил в Центрально-Черноземную область (ЦЧО) с центром в городе Воронеже. Если в целом по стране в то время сельское население составляло около 82%, то на Орловщине — свыше 90%. 2 февраля 1930 года был издан приказ ОГПУ СССР № 44/21. В нем говорилось, что «в самое ближайшее время кулаку, особенно его богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесен сокрушительный удар». В том же приказе предусматривалось выселение кулаков и их семейств в первую очередь в девяти регионах. «План» для ЦЧО составлял 10—15 тысяч семейств. Если учитывать, что крестьянские семьи были всегда большими, то выселению подлежало около 100 тысяч человек.

К концу 1930 года все крестьянское население Орловского округа ЦЧО должно было состоять в колхозах и совхозах. Коллективизация проходила в два этапа: к началу весенней посевной кампании она должна была охватить восемь районов (Свердловский, Малоархангельский, Мценский, Новосильский, Корсаковский, Дмитровский, Моховской и Сосковский), а остальные районы планировалось коллективизировать до 31 декабря 1930 года. Уже к 20 марта в округе было создано 670 колхозов, объединивших 161940 крестьянских хозяйств (94%). На 18 февраля того же года в Новосильском районе было раскулачено 430 хозяйств, в Свердловском — 522, в Дмитровском — 388, в Мценском — 320, в Корсаковском — 300, в Сосковском — 237, в Орловском — 235...

В такие сжатые сроки, при отсутствии пропагандистской работы и признания самими властями неэффективности коллективного хозяйства, основным методом его создания стало грубое принуждение. «Кто в коллектив не пойдет, того Советская власть будет расстреливать» — такими словами заставляли вступать в колхозы крестьян Болховского района. В Кутафинском сельсовете Кромского района члены сельсовета и ударная бригада проводили раскулачивание без всякого плана, выселяли и лишали имущества тех, кто указывал на ошибки в работе сельсовета. Отобранное имущество расхищали.

Масштабы и методы раскулачивания позволяет представить официальная статистика, в соответствии с которой в Орловском округе с 10 ноября 1929 года по 1 мая 1930 года было раскулачено 5280 хозяйств. Поступило 3652 жалобы на незаконное раскулачивание, по которым был восстановлен в правах 1951 человек. Зажиточные крестьяне, опасавшиеся репрессий, пытались покинуть Орловщину. На 15 марта 1930 года из округа бежали 363 кулака, в том числе 105 с семьями.

Судьбы раскулаченных крестьянских семей складывались по-разному. Большая часть высылалась в северный край (территория нынешних Архангельской и Вологодской областей, Республики Коми). Некоторым удавалось избежать раскулачивания путем дележа имущества между членами семьи. Как правило, после этого была возможность уйти в город и начать новую жизнь. Некоторые сами отдавали свое имущество, вступали в колхозы по убеждениям или от безысходности.

Всего за годы коллективизации в России раскулачено более одного миллиона крестьянских хозяйств, около пяти миллионов человек было выслано из родных мест на спецпоселения. Ликвидация кулачества лишала деревню наиболее предприимчивых и наиболее независимых крестьян. Разорение деревни непрекращающимся раскулачиванием, полная дезорганизация работ колхозов привели в 1932—1933 годах к невиданному голоду, охватившему примерно 25—30 миллионов человек. Несмотря на масштабы голода, за границу было вывезено около двух миллионов тонн зерна для получения валюты на нужды индустриализации.

Антон УХИН.

Кодекс законов о труде». Им предусматривалось, что к кулацким относятся хозяйства, имеющие один из пяти признаков: применение систематического наемного труда; наличие промышленных предприятий; сдача внаем сложного сельскохозяйственного инвентаря; сдача внаем помещений; члены хозяйства занимаются торговлей, ростовщичеством или имеют другие нетрудовые доходы. Конечно, у некоторых семей было по сто и более гектаров земли, были свои крупорушки, мельницы, несколько десятков голов скота, да и наемный труд использовался. Но можно ли было назвать кулаком того хозяина, у которого на восемь — десять ртов было 10—12 гектаров земли, несколько лошадей, корова, овцы, козы? К сожалению, и к ним отношение со стороны бедняков, желавших передела, и властей было нелучшим.

Массовые политические репрессии на Орловщине достигли своего апогея в период проведения сплошной коллективизации и политики «ликвидации кулачества как класса». Постановление политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» вышло 30 января 1930 года. Спустя восемь десятков лет о тех событиях нам могут повествовать документы, хранящиеся в ОГУ «Государственный архив Орловской области». Долгое время материалы о раскулачивании были засекречены и недоступны простому обывателю. Только с 1987 года на волне перестройки и гласности с них стал сниматься гриф «секретно». Имеющиеся в архиве сведения свидетельствуют, что процесс раскулачивания на Орловщине длился около десяти лет — с 1926-го по 1936 год, что совпадает с началом полной коллективизации, старт которой был дан на XV съезде ВКП(б).